

**ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГАМИ, ИЗДАННЫМИ К 130-ЛЕТНЕМУ
ЮБИЛЕЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. И. ВАВИЛОВА
И НАКАНУНЕ 70-ЛЕТИЯ СО ДНЯ АВГУСТОВСКОЙ СЕССИИ ВАСХНИЛ**

ЭДУАРД ИЗРАИЛЕВИЧ КОЛЧИНСКИЙ

*Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5
E-mail: ekolchinsky@yandex.ru*

DOI: 10.31857/S020596060001125-9

В 2017 г. научное сообщество России отмечало 130-летие со дня рождения Николая Ивановича Вавилова – выдающегося ботаника, генетика, эволюциониста, географа, путешественника и организатора науки, отдавшего, подобно Джордано Бруно, за нее жизнь. Удивительная разносторонность таланта Вавилова и трагическая судьба ученого, столь много сделавшего для «зеленой революции» и умершего от голода в тюрьме, привлекает внимание писателей, публицистов и историков науки уже более полувека. Начиная с 1957 г. дни рождения Вавилова широко отмечаются научной общественностью всего мира. Не стал исключением и 2017 год. В Москве, Саратове и Санкт-Петербурге прошли традиционные конференции, посвященные Вавилону, с участием сотен отечественных и зарубежных ученых, работающих в его тематическом поле. В их рамках были организованы круглые столы и специальные исторические секции, на которых были заслушаны десятки докладов о новых изысканиях в области вавиловедения, основанных на архивных материалах и отражающих изменения в этой интенсивно развивающейся отрасли историко-биологического знания¹.

Особое внимание заслуживают четыре книги юбилейного года. Одна из них принадлежит старейшему вавилововеду писателю С. Е. Резнику, опубликовавшему 50 лет тому назад книгу о Вавилоне, в которой впервые была изложена суть его конфликта с Т. Д. Лысенко². Последний к тому времени потерял ко-

¹ См., например: Материалы III Международной конференции «Современные проблемы биологической эволюции»: к 130-летию со дня рождения Н. И. Вавилова и 110-летию со дня основания Государственного Дарвиновского музея. 16–20 октября 2017 г. / Сост. А. С. Рубцов, Т. С. Кубасова, ред. Н. И. Трегуб, Т. С. Кабанова. М.: ГДМ, 2017. С. 46–49, 458–488, 536–563; Идеи Н. И. Вавилова в современном мире. Тезисы докладов IV Вавиловской международной конференции. 20–24 ноября 2017 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. Н. И. Дзюбенко. СПб.: ВИР, 2017. С. 7–25.

² Резник С. Николай Вавилов. М.: Молодая гвардия, 1968 (Серия «Жизнь замечательных людей»). Вып. 11 (452).

мандные посты в науке, но смог на год задержать почти весь тираж книги, подвергнув нераспроданные экземпляры цензурной кастрации, убрав и строки об аресте, суде и смерти. Тем не менее Резник в яркой форме донес до массового читателя главное о великом ученом, посвятившем всю жизнь спасению человечества от голода. Его книга заложила основы вавилововедения и в течение нескольких десятилетий оставалась лучшей биографией Вавилова, сочетая достоинства художественной литературы со строгими канонами научности.

50 лет спустя Резник представляет совершенно новую книгу, которая в несколько раз по объему превышает предыдущую, вобрав наиболее важную информацию из многочисленных историко-научных и публицистических работ, опубликованных за прошедшие 50 лет³. В основу книги положены собственные многолетние архивные изыскания и беседы с участниками тех событий. Автор, будучи писателем, не претендует на строгий научный анализ, но книга построена на бесспорных фактах, демонстрируя и изменение нарратива о жизни и деятельности одного из самых известных российских ученых в связи с изменившимся социокультурным контекстом и развитием истории науки, в которой все большее внимание уделяют исторической антропологии, микросоциологии и методологии «кейс-стади».

Интересно и второе издание книги Н. П. Гончарова, существенно переработанной и дополненной⁴. Ее автор, действительный член РАН, один из ведущих специалистов по генетике растений, имеет репутацию профессионального историка науки, глубоко и всесторонне разрабатывающего проблемы не только научного наследия Вавилова, но и других знаменитых российских растениеводов – А. Ф. Баталина, И. П. Бородина, П. М. Жуковского, Г. Д. Карпеченко, А. И. Мальцева, И. В. Мичурина, В. Е. Писарева, а также институциональной истории сельскохозяйственных наук. Хорошо известен своими фундаментальными работами по социальной истории биологии В. И. Глазко – иностранный член РАН, крупный специалист в области молекулярной генетики и биотехнологии, издавший двухтомник к юбилею Вавилова⁵. Он также автор ряда фундаментальных монографий по социальной истории и философии отечественной биологии. Обращение в юбилейный год к научному наследию Вавилова ведущих ученых в области его основных научных интересов – генетики и растениеводства – представляет особый интерес, позволяя историкам науки понять, как идеи, концепции и организационная деятельность Вавилова выглядят с позиций современной науки.

Интерес мирового сообщества историков науки к Вавилову хорошо отражают вышедшие на английском языке два тома коллективной монографии «Лысенковская контroversия как глобальный феномен. Генетика и сельское хозяйство в Советском Союзе и за рубежом» под редакцией В. деЙонг-Ламберта и Н. Л. Кременцова⁶. Им удалось объединить усилия 15 авторов из 10 стран,

³ Резник С. Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017.

⁴ Гончаров Н. П. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: СО РАН, 2017.

⁵ Глазко В. И. Николай Вавилов. Жизнь как служение Родине. М.: Курс, 2017. Т. 1–2.

⁶ The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon: Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond / W. deJong-Lambert, N. L. Krementsov (eds). Cham: Palgrave Macmillan, 2017. Vol. 1–2.

включая Великобританию, Венгрию, Италию, Канаду, Россию, США, Японию и др., для анализа различных социально-политических и идеологических аспектов противостояния Вавилова и Лысенко.

Названные книги в сочетании с историко-научными докладами, прозвучавшими на юбилейных конференциях, демонстрируют разнообразие подходов и мнений в современном вавилововедении. Каждая из них заслуживает специального анализа. Цель обзора состоит в том, чтобы, проследив эволюцию нарратива о Вавилове, показать, что нового работы юбилейного года внесли в развитие вавилововедения. Важно обсудить актуальность рассмотрения конфликта Вавилова с Лысенко в дихотомических противопоставлениях «гений – злодейство», «ученый – шарлатан», «патриот – предатель», «теоретик – практик». Ведь дискуссия о «деле Вавилова и Лысенко» неизбежно связана с именем И. В. Сталина, что придает любой работе о них идеолого-политическое и даже сакральное звучание. Да и сами герои давно приобрели сакральное значение в историко-научной литературе.

Данный обзор представляется особенно актуальным в год 70-летия со дня проведения августовской сессии ВАСХНИЛ, так как позволяет понять, насколько ее уроки усвоены мировым научным сообществом и особенно агробиологами России.

Эволюция нарратива о Н. И. Вавилове

Корни сакрализации Вавилова уходят в 1920-е гг., когда на страницах газет его представляли как человека, готового решить «проблему хлеба» и «накормить человечество». Он пользовался поддержкой властей, включая председателя Совнаркома А. И. Рыкова, управляющего его делами Н. П. Горбунова, «любимца партии» Н. И. Бухарина и ее генерального секретаря И. В. Сталина. Благодаря их доверию он, будучи беспартийным, стал членом ЦИК СССР (1926–1935) и выступал на партийных конференциях; в 1929 г. ему поручили создать Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) и Всесоюзный институт растениеводства (ВИР). В Вавилове лидеры партии и правительства тогда видели олицетворение «союза науки и труда», ученого, поверившего в идеалы социализма и соединившего теорию с практикой.

Решение проблемы голода Вавилов видел в мобилизации мировых ресурсов культурных растений и их диких сородичей путем систематических поисков форм, перспективных для селекции, и в организации научно обоснованной системы селекции и семеноводства. С этой целью он объехал около 50 стран на пяти континентах и создал широкую сеть сельскохозяйственных институтов и селекционных станций. Ведущие зарубежные и отечественные генетики, растениеводы, селекционеры и эволюционисты охотно сотрудничали с ним, а его концепции и идеи считались обоснованными и перспективными. В их число входили: учение об иммунитете растений к инфекционным заболеваниям (1919, 1935), закон гомологических рядов в наследственной изменчивости (1920, 1934), концепция центров происхождения культурных растений (1926), политипическая концепция вида (1931), ботанико-географи-

ческое и генетико-экологическое обоснование принципов семеноводства и селекции (1934). Под его редакцией вышли три тома «Теоретических основ селекции» (1935–1937), им основана серия «Культурная флора СССР» (1935). До середины 1930-х гг. публиковалось немало общедоступных изложений его научных взглядов в прессе, а также статьи в энциклопедиях, юбилейных сборниках. Оценки были положительными, а порой и восторженными. Вавилов стал брендом советской науки, с блеском выполняя поставленную властями задачу – вывести СССР из международной изоляции путем привлечения симпатий интеллектуалов Запада.

В 1932 г. детский писатель, журналист и литературовед А. И. Роскин опубликовал научно-популярную книгу об основных научных концепциях Вавилова и его экспедициях⁷. Но к тому времени в связи с «культурной революцией» (1929–1932), когда под огнем критики и первых репрессий оказалось все научное сообщество, тон газетных публикаций стал меняться, они все более превращались в доносы и орудие травли⁸. Последняя прижизненная статья о Вавилове была опубликована в 1939 г. в «Малой советской энциклопедии». Годом раньше в повторном издании книги В. Л. Комарова «Происхождение культурных растений» была перепечатана глава о теоретических взглядах Вавилова⁹.

К тому времени официальную поддержку получила мичуринская агробиология, о формировании которой сразу после смерти И. В. Мичурина в 1935 г. заявили Лысенко и И. И. Презент, возглавившие кампанию критики Вавилова за увлечение теорией в ущерб практике и за приверженность буржуазной биологии, особенно в области генетики, растениеводства и селекции. Мичуринская агробиология, построенная на принципах диалектического материализма, противопоставлялась мировой науке и подавалась как панацея для решения всех проблем в социалистическом сельском хозяйстве, находившемся в перманентном кризисе. В том же году Лысенко перешел к публичным обвинениям Вавилова и его сотрудников во вредительстве в присутствии И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и других руководителей ВКП(б) и правительства. В 1935 г. Вавилова освободили от обязанностей президента ВАСХНИЛ, а 6 августа 1940 г. арестовали. Президентом ВАСХНИЛ еще в 1938 г. был назначен Лысенко, который в 1940 г. возглавил и Институт генетики АН СССР, также основанный Вавиловым. Противодействие мичуринской агробиологии стало одним из главных пунктом обвинения «вредительской деятельности» Вавилова¹⁰.

⁷ Роскин А. И. Караваны, дороги, колосья. М.: ОГИЗ; Молодая гвардия, 1932.

⁸ Колчинский Э. И. Несостоявшийся «союз» философии и биологии (20–30-е гг.) // Репрессированная наука / Отв. ред. М. Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 34–70; Колчинский Э. И. Культурная революция в СССР (1929–1932) и первые атаки на школу Н. И. Вавилова // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16. № 3. С. 502–538; Kolchinsky, E. I. Nikolai Vavilov in the Years of Stalin's "Revolution from Above" (1929–1932) // Centaurus. 2014. Vol. 56. No. 4. P. 330–358.

⁹ Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД: биографический очерк. Документы / Сост. Я. Г. Рокитянский, Ю. Н. Вавилов, В. А. Гончаров. М.: Academia, 1999. С. 170. Комаров В. Л. Происхождение культурных растений. М.; Л.: Сельхозгиз, 1938. С. 32–35.

¹⁰ Комаров В. Л. Происхождение культурных растений. М.; Л.: Сельхозгиз, 1938. С. 32–35.

Аресты Вавилова и его сторонников (Г. Д. Карпеченко, Л. И. Говорова, Г. А. Левитского, К. А. Фляксбергера) в Ленинградском государственном университете сопровождались репрессиями против сотрудников ВИРа и Института генетики АН СССР. Университетская газета требовала от профессоров и студентов биофака признать взгляды Вавилова вредительскими, а учение Лысенко единственно верным¹¹. Отказавшихся арестовывали, увольняли, исключали из комсомола, отчисляли. Кафедру генетики растений, возглавляемую ранее Карпеченко, заняла Б. Г. Поташникова – жена Презента. Сам он весной 1941 г. похвалялся участием в расправе над Вавиловым, цинично отвечая на вопрос о его судьбе словами Каина: «Что я, сторож брату своему?»¹². Весь научный мир был встревожен исчезновением Вавилова, что в глазах властей усугубляло его вину, доказывая связи Вавилова с учеными враждебных стран.

22 июня 1941 г. все внезапно изменилось: заклятые враги Великобритании и США стали союзниками СССР и арест Вавилова, избранного 6 июня 1942 г. иностранным членом Лондонского королевского общества, создал трудности в общении с союзниками. Надо было отвечать на неудобные вопросы, и его смерть 26 января 1943 г. в тюремной больнице превратили в государственную тайну. Попытки напомнить о нем прерывались на самом высоком уровне. Например, «Материалы к истории АН СССР за годы советской власти» (1950) вышли под редакцией президента АН СССР С. И. Вавилова и содержали три упоминания о его брате, включая точную дату смерти. В готовый тираж вклеили контртитул «на правах рукописи», и все 500 экземпляров были пронумерованы для распространения при строгом учете. Его имя ни разу не было упомянуто на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Только биологи и историки науки в англоязычных странах пытались как-то осознать гибель ученого и перспективы его научного наследия в СССР в рамках общего контекста партийно-государственной политики в области науки¹³. Они базировались исключительно на опубликованном материале и на некоторых свидетельствах советских генетиков. Лысенко в их трудах изображался как подручный Сталина в уничтожении биологии.

Лысенкоистская вакханалия после августовской сессии ВАСХНИЛ вызывала недовольство в научном сообществе и у части партийных кругов. 15 ноября 1951 г. был уволен, а затем исключен из партии его главный идеолог Презент. В 1952 г. Сталин санкционировал критику самого Лысенко. В 1956 г. по требованию многих ведущих советских биологов, физиков, химиков и математиков он был снят с поста президента ВАСХНИЛ. В том же году после 15-летнего молчания первой статьёй о Н. И. Вавиллове стали «Закрытые страницы из био-

¹¹ Биофак должен стать оплотом революционной передовой науки // Ленинградский университет. 14 марта 1941 г. № 10 (454). С. 1.

¹² Лебедев Д. В. Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука... С. 266.

¹³ Cook, R. Lysenko's Marxist Genetics: Science or Religion? // Journal of Heredity. 1949. Vol. 40. No. 7. P. 169–202; Dobzhansky, Th. The Suppression of a Science // Bulletin of the Atomic Scientists. 1949. No. 5. P. 144–146; Zirkle, C. Death of Science in Russia. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1949.

графии И. В. Мичурина и Н. И. Вавилова»¹⁴. Ее авторы – директор Ботанического института АН СССР П. А. Баранов и библиограф этого же института Д. В. Лебедев (ученик Карпеченко) – превратили 100-летний юбилей народного селекционера в реабилитацию Вавилова. В 1962 г. Баранов написал вступительную статью к первому изданию академической библиографии Вавилова¹⁵. В том же году вышла публицистическая книга А. И. Ревенковой о нем, в которой ничего не говорилось ни о его конфликте с Лысенко, ни об обвинениях в приверженности менделизму-морганизму¹⁶. К тому времени Лысенко добился прекращения критики мичуринской биологии, став личным советником Н. С. Хрущева по сельскому хозяйству, а в 1961 г. ненадолго, до засухи 1962–1963 гг., вновь возглавив ВАСХНИЛ.

После отставки Хрущева Лысенко потерял всякое влияние, а его взгляды специальная комиссия АН СССР признала псевдонаучными¹⁷. В СМИ в центральных и региональных газетах прошла серия статей о пагубных последствиях для биологии и сельскохозяйственных наук его многолетнего диктатора. Среди авторов преобладали генетики и цитогенетики (Д. К. Беляев, Н. Н. Воронцов, П. М. Жуковский, В. С. Кирпичников, И. А. Рапопорт и др.), а также писатели и журналисты (А. И. Аграновский, В. Д. Дудинцев, О. Н. Писаржевский). В научном сообществе ходила рукопись Ж. А. Медведева «Биологическая наука и культ личности», в которой на опубликованных материалах были освещены главные этапы дискуссии Вавилова и Лысенко. Работы того времени носили скорее публицистический, чем историко-научный характер. Доминировала устная история и научный фольклор. Предположения не отделялись от фактов, встречались порой и откровенные мифы, дожившие до наших дней. В 1966 г. вышла документальная повесть М. А. Поповского «1000 дней академика Н. И. Вавилова», в которой доказывалось, что в возвышении Лысенко повинен сам Вавилов.

Пик публикаций о Вавилове в доперестроечное время пришелся на 1967–1968 гг., когда вышли около 100 посвященных ему работ, в том числе в серии «Жизнь замечательных людей» – упомянутая выше книга Резника «Николай Вавилов», напечатанная издательством «Молодая гвардия» 100-тысячным тиражом. С нее и принято исчислять начало вавилововедения, хотя автор создавал в

¹⁴ Баранов П. А., Лебедев Д. В. Забытые страницы из биографии И. В. Мичурина и Н. И. Вавилова // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 5. С. 752–757.

¹⁵ Николай Иванович Вавилов / Сост. Р. И. Горячева, Л. М. Жукова, вступ. ст. П. А. Баранова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. В дальнейшем библиографии Вавилова многократно переиздавались (1967, 1974, 1987, 2002) и др. По данным саратовских библиографов в российских библиотеках к 2012 г. были доступны свыше 1400 трудов на русском и иностранных языках, посвященных Вавилову. См.: Николай Иванович Вавилов: к 125-летию со дня рождения. Библиографический указатель / Сост. К. А. Петров, Т. Н. Осяева, Е. Ю. Ивойлова. Саратов: СГАУ, 2012. По самым скромным подсчетам более 150 книг и статей, не считая тезисов, были опубликованы в 2012–2017 гг.

¹⁶ Ревенкова А. И. Николай Иванович Вавилов. 1987–1943. М.: Сельхозгиз, 1962.

¹⁷ Стенографический отчет совместного заседания Президиума АН СССР, Коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и Президиума ВАСХНИЛ по рассмотрению доклада комиссии «О результатах проверки хозяйственно-финансовой деятельности Научно-экспериментальной базы и подсобного научно-производственного хозяйства в “Горках Ленинских” Института генетики АН СССР» // Вестник АН СССР. 1965. № 11. С. 79–126.

первую очередь художественное произведение. Но он работал в архивах, собрал новые факты, опросил десятки участников тех дискуссий. В сборе материала ему помогали более 30 человек, в основном близко знавших Вавилова и сообщивших ценные детали и факты, которые лишь позднее были подтверждены историко-архивными изысканиями. Среди его помощников были Ф. Х. Бахтеев, Л. П. Бреславец, Ю. Н. Вавилов, А. Р. Жебрак, П. М. Жуковский, М. Г. Зайцева, Н. Р. Иванов, Д. В. Лебедев, В. С. Лехнович, В. В. Сахаров, Е. С. Якушевский и др. Резник в меру тогда дозволенного рассказал о контексте и динамике конфликта Вавилова с Лысенко, попытался понять их мотивы. Часть книг была уже распродана, однако 90 % тиража, как уже говорилось, задержали на год ради изыятия двух печатных листов по доносу Н. И. Фейгинсона и Лысенко¹⁸.

Рукопись Ж. А. Медведева с подробным описанием дискуссии между сторонниками Вавилова и Лысенко была отвергнута, а самого автора отправили в психлечебницу, из которой выпустили только под влиянием протестов мировой научной общественности. Поэтому первое российское издание о «деле Вавилова и Лысенко» было опубликовано за рубежом¹⁹. Крупный историк биологии А. Е. Гайсинович более двух десятилетий тщетно добивался публикации в СССР своих работ о борьбе генетиков с лысенкоистами, но до 1988 г. они печатались только за границей²⁰. В сокращенном виде вышла книга другого крупного советского историка биологии Л. Я. Бляхера о наследовании приобретенных признаков, в которой осталось только краткое упоминание о позиции Вавилова в дискуссиях со сторонниками этой гипотезы, а также несколько критических замечаний по поводу утверждений Лысенко о том, что вегетативные гибриды и скрещивания коров разных пород с быками жирномолочной джерсейской породы доказали наследование приобретенных свойств²¹. За границей в 1983 г. вышли две книги – «Дорога на эшафот» С. Е. Резника и «Дело академика Н. И. Вавилова» М. А. Поповского, причем оба автора к тому времени эмигрировали в США. И хотя активно работала Комиссия АН СССР по изучению научного наследия Вавилова, издавались его письма и рукописи, переиздавались научные труды, печатались воспоминания современников, почти 20 лет нельзя было ничего напечатать о «деле Вавилова и Лысенко», его аресте и трагической смерти.

Исключение сделали только для труда И. Т. Фролова «Генетика и диалектика» (1968) и воспоминаний Н. П. Дубинина «Вечное движение» (1973), в которых авторы придали дискуссии Вавилова и Лысенко сугубо научный характер и снимали с властей ответственность за ее трагический исход. От историков науки требовали «не ворошить прошлое». Тем не менее удалось, пройдя через семь корректур, оставить упоминания о пагубной роли августовской сессии

¹⁸ Резник. Эта короткая жизнь... С. 32–34.

¹⁹ Medvedev, Zh. A. The Rise and Fall of T. D. Lysenko. New York: Columbia University Press, 1969.

²⁰ Gaissinovich, A. E. The Origin of Soviet Genetics and Struggle with Lamarckism, 1922–1929 // Journal of the History of Biology. 1980. Vol. 13. No. 1. P. 1–51; Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. С. 280–326.

²¹ Бляхер Л. Я. Проблема наследования приобретенных признаков. М.: Наука, 1977. С. 155, 206–207, 242–243, 248.

ВАСХНИЛ в коллективной монографии «Развитие эволюционной теории в СССР» (1983), подготовленной в ЛО ИИЕТ АН СССР. Она увидела свет с поддержкой на несколько месяцев и вышла только благодаря необходимости выполнения плана и начавшейся череде смертей членов Политбюро ЦК КПСС, когда наверху было не до Лысенко, скончавшегося в 1976 г. в полном забвении. В то время историки науки, прежде всего В. Д. Есаков и Е. С. Левина, вели интенсивную работу по поиску и введению в научный оборот эпистолярного наследия Вавилова. Под редакцией С. Р. Микулинского ими были изданы два фундаментальных тома его переписки с советскими и зарубежными учеными, государственными и общественными деятелями²².

Выход второго тома пришелся на начало перестройки, которое совпало со 100-летним юбилеем Вавилова, ознаменованным выходом в свет более чем 30 книг о нем. Символом «черно-белого» изображения конфликта генетиков с лысенковцами стал роман В. Д. Дудинцева «Белые одежды», вышедший в 1987 г. миллионными тиражами. В том же году вышли книга Д. А. Гранина «Зубр», посвященная Н. В. Тимофееву-Ресовскому, а годом раньше – биографическая повесть В. И. Амлинского «Оправдан будет каждый час...» о его отце – генетике и историке биологии. При обсуждении истории советской генетики в художественных произведениях в первые годы перестройки, организованном Б. Г. Юдиным в Доме литераторов в мае 1987 г., я отметил главный недостаток документальных повестей Амлинского и Гранина, окрашивавших своих героев «только в два цвета: белый (сторонники генетики, подлинные ученые, высоконравственные люди и т. д.) и черный (эпигоны Лысенко, проходимцы в науке, беспринципные и невежественные люди и т. д.)»²³. Многие выступавшие там (Н. Н. Воронцов, Э. И. Колчинский, Ю. И. Полянский, И. А. Рапопорт и др.) отмечали, что лысенковщина продолжает оставаться под надежной охраной правящих кругов²⁴.

В этом же году в «Серии научных биографий» вышла книга о Вавиллове, написанная его учеником и многолетним сотрудником Ф. Х. Бахтеевым, который десятки лет собирал сведения о своем учителе. Она по праву считается первой научной биографией Вавилова, хотя в силу малой доступности архивного материала и сам автор, и готовящие после его смерти к печати книгу не всегда могли отделить факты от слухов и мифов. Интенсивная публикация писем Вавилова, воспоминаний современников, документов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. создала серьезную источниковедческую базу вавилововедению, способствуя его очищению от разного рода домыслов, в том числе о пресловутой вине Вавилова в выдвижении Лысенко, в создании огромной и неэффективной ВАСХНИЛ, в

²² Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1911–1928 гг. / Отв. ред. С. Р. Микулинский, сост. В. Д. Есаков. М.: Наука, 1980 (Сер. «Научное наследство». Т. 5); Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1929–1940 гг. / Отв. ред. С. Р. Микулинский, сост. В. Д. Есаков, Е. С. Левина. М.: Наука, 1987 (Сер. «Научное наследство». Т. 10).

²³ [Колчинский Э. И. Выступление] // Круглый стол. Страницы истории советской генетики в литературе последних лет // ВИЕТ. 1988. № 1. С. 123.

²⁴ Там же. С. 125; [Рапопорт И. А. Выступление]. Там же. С. 130; [Полянский Ю. И. Выступление] // Круглый стол. Страницы истории советской генетики в литературе последних лет // ВИЕТ. 1987. № 4. С. 118.

склонности к конформизму и т. д.²⁵ Доступные документальные и аналитические материалы опровергали мнение о поддержке Вавиловым Лысенко как о главной причине стремительной карьеры последнего. В 1995 г. Левина опубликовала книгу по историографии советской биологии, в которой значительное место уделила вавилововедению и особенно опубликованным документам о взаимоотношениях Вавилова и Лысенко²⁶. Об этом в те годы много писали научно-популярные журналы («Природа», «Наука и жизнь», «Знание – сила»), выходившие огромными тиражами, что вело к сакрализации Вавилова, биографии которого все больше напоминали, скорее, жития святых, чем описание жизненного пути ученого и организатора науки во времена, когда компромисс и конформизм были обязательными условиями для выживания. Вавилова чаще всего изображали как рыцаря науки, олицетворявшего подлинную науку, а имя Лысенко стало нарицательным как воплощение псевдонауки.

Доминировала заложенная Медведевым традиция рассматривать конфликт генетиков и лысенкоистов без полутонов. Близок к ней был в своих книгах, выдержавших несколько переизданий, С. Э. Шноль²⁷. Иначе события оценивал В. Н. Сойфер, полагавший, вслед за М. А. Поповским, что часть вины в возвышении Лысенко лежит на Вавилове, сначала выдвигавшем его, а потом искавшем с ним компромисса²⁸. Для реконструкции последних лет жизни ученого особое значение имела публикация следственного дела Вавилова, подготовленная Ю. Н. Вавиловым совместно с Я. Г. Рокитянским и В. А. Гончаровым²⁹. И хотя большая часть дела или уничтожена, или остается засекреченной, стало очевидно, что расправа над ученым готовилась почти 10 лет и для выбивания «признательных» показаний офицеры НКВД С. Албогачиев, А. Г. Хват и Л. Л. Шварцман во время допросов использовали изуверские методы. В деле остались и следы причастности Лысенко к трагедии Вавилова. Лысенко не только спровоцировал его арест, публично не раз обвиняя во вредительстве, но и утвердил экспертную комиссию, давшую «научное» обоснование смертному приговору³⁰.

Десакрализация и нарастающая дифференциация оценок

К середине 1990-х гг. стало ясно, что объективный анализ событий тех дней затруднен эмоциональным отношением к ним не только биологов, но и историков науки, которые были или свидетелями трагического противостояния, или учениками его участников. Лица, вовлеченные в прошедшие события с обеих

²⁵ Левина Е. С. Николай Иванович Вавилов: жизнь после смерти (к биографии великого ученого) // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2012. Вып. 4. С. 143–145.

²⁶ Левина Е. С. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... М.: Агро-XX, 1995.

²⁷ Шноль С. Герои и злодеи российской науки. М.: Крон-пресс, 1997. Характерно, что в последующих изданиях Шноль изменил название своей книги, введя в него упоминание о конформистах.

²⁸ Сойфер В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. С. 109–115.

²⁹ Суд палача... С. 142–530.

³⁰ Там же. С. 445–446.

сторон, представляли себя невинными жертвами противников, изображая последних воплощениями зла и исчадиями ада. Между тем архивные материалы свидетельствовали о необходимости использовать всю палитру красок при описании противостояния сторонников Вавилова и Лысенко и их сакрализации, питавшей конспирологические мифы о мафиозном заговоре в науке, инспирированном то ли из-за рубежа, то ли партийными идеологами ³¹.

Стремление преодолеть деление на «героев» и «злодеев» породило в социальной истории науки попытки анализировать «дело Вавилова и Лысенко» как идеолого-политический феномен безотносительно к содержанию отстаиваемых ими взглядов и их оценок с позиций современной науки. В 1997 г. Н. Л. Кременцов всех участников тех событий изобразил как представителей «сталинской науки», жестко конкурировавших за финансы, внимание властей предрежащих и стремящихся к доминированию своих школ и созданию собственных «научных империй» ³². Трагедию Вавилова он объяснял гибелью его покровителей в годы Большого террора, а августовскую сессию ВАСХНИЛ – холодной войной и выбором Сталиным на роль лидера советской биологии Лысенко как непримиримого противника западной науки. Позднее Н. Ролл-Хансен уверял, что конфликт носил все-таки социально-научный характер, а Лысенко заручился поддержкой властей, так как уделял больше внимания практике, чем Вавилов ³³.

Исследуя противостояние Вавилова и Лысенко в рамках социокультурного контекста СССР, зарубежные историки с трудом понимали, почему из двух систем взглядов государственно значимой была признана архаичная мичуринская биология и зачем на ее продвижение были брошены громадные финансово-материальные, идеолого-политические и морально-этические ресурсы ³⁴. Исследование партийно-государственной поддержки мичуринской биологии, именуемой обычно лысенкоизмом, как «идеологически корректной науки» в рамках противостояния двух систем во время холодной войны, казалось, давало ключ и к объяснению ее восприятия некоторыми учеными Японии, Франции, Италии и Англии. Лысенкоизму как мировому феномену были посвящены симпозиумы в Нью-Йорке (2009), Токио (2012), Вене (2012), Праге (2014, 2016), выпуски журналов «Историко-биологические исследования» (2011, № 2; 2015, № 2), *Journal of the History of Biology* (2012, № 2) и несколько зарубежных монографий в 2010-х гг. ³⁵

В 2008 г. увидела свет книга В. Д. Есакова, основанная на большом массиве нового архивного материала, освещающего разные стороны жизни и деятельности Вавилова в контексте эпохи, его взаимоотношения с родными и близкими, властями и коллегами. Автор осветил многие важнейшие страницы биографии

³¹ Колчинский. Несостоявшийся «союз» философии и биологии... С. 49.

³² Krementsov, N. L. *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

³³ Roll-Hansen, N. *The Lysenko Effect. The Politics of Science*. Amherst, NY: Humanity Books, 2005.

³⁴ Это недоумение хорошо отражено в названии книги японского историка биологии: Фудзиока, Цуёши. Зачем лысенковщина появилась? Токио, 2010. (на япон. яз.).

³⁵ deJong-Lambert. W. *The Cold War Politics of Genetic Research: An Introduction to the Lysenko Affair*. New York: Springer, 2012.

ученого, включая его студенческие годы, создание ВАСХНИЛ и избрание его президентом, руководство Географическим обществом СССР и т. д.³⁶ Особое внимание было уделено судьбе генного банка растений, созданного Вавиловым, часть которого была вывезена в годы войны в нацистскую Германию³⁷. Книга Есакова, бесспорно, на сегодняшний день является лучшей историко-научной биографией Вавилова; она основана на большом массиве архивного материала, впервые введенного автором в научный оборот, и на его безукоризненной интерпретации.

Появились монографии о соратниках Вавилова Ф. Г. Добржанском, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитском. П. И. Лисицыне, П. П. Лукьяненко, Н. А. Максимове, Г. Г. Меллере, А. А. Сапегине и др., позволившие лучше представить Вавилова как подлинного создателя современной агробиологии в СССР. Н. П. Гончаров раскрыл научное значение обширной экспедиционной деятельности Вавилова и его роль в создании богатейшей коллекции ВИР, ставшего благодаря ему крупнейшим агроботаническим центром мира с сетью опытных станций в различных историко-географических зонах и системой государственного сортоиспытания³⁸. О мужественных попытках Вавилова противостоять социальному феномену, обозначенному как «научное киллерство», рассказано в двухтомной монографии В. И. Глазко, напоминающей, скорее, эссе, чем историко-научное сочинение³⁹. В ней жизненный путь Вавилова реконструируется на фоне глобальных исторических событий, завершившихся распадом Советского Союза.

Книги зарубежных авторов позволяют лучше понять деятельность Вавилова как борьбу за сохранение мировых стандартов науки. Американский журналист П. Прингл показал, что Вавилов по-прежнему считается «одним из великих ученых XX века» и символом борьбы за свободу науки⁴⁰. Американский этноботаник Г. Нэбхэн продемонстрировал роль экспедиций Вавилова и его концепции о центрах происхождения культурных растений для решения проблем голода в разных регионах мира⁴¹.

В последнее десятилетие в России была развернута активная кампания с резкими обвинениями в адрес Вавилова и с претензиями на «прагматичное» переосмысление прошлого, за которое выдаются прежние голословные упреки Вавилова в научной бесплодности, бесцельных путешествиях, увлечении академическим теоретизированием, антипатриотизме, вредительстве и даже в предательстве национальных интересов. Критика подобных обвинений за последние

³⁶ Есаков В. Д. Николай Иванович Вавилов. Страницы биографии. М.: Наука, 2008.

³⁷ Там же. С. 239–266.

³⁸ Гончаров Н. П. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014.

³⁹ Глазко В. И. Николай Иванович Вавилов и его время: путь на Олимп (хроника создания и распада СССР). М.: Нефть и газ, 2013; Глазко В. И. Николай Иванович Вавилов и его время: Великий перелом – путь на Голгофу (Хроника создания и распада СССР. Повинные в смерти). М.: Нефть и газ, 2014.

⁴⁰ Pringle, P. The Murder of Nikolai Vavilov: The Story of Stalin's Persecution of One of Great Scientists of the Twentieth Century. New York; London: Simon & Schuster, 2008.

⁴¹ Nabhan, G. Where Our Food Comes from: Retracing Nikolai Vavilov's Quest to End Famine. Washington: Island Press, 2009.

два года была дана многими биологами и историками науки, которые показали, что в основе современных нападков на Вавилова, как и прежде, лежат социально-экономические, идеолого-политические и психозмоциональные, а не научные причины⁴². В дискредитации Вавилова заинтересованы круги, нацеленные на приватизацию «вавилонского наследия» бывшей Российской академии сельскохозяйственных наук (зданий, опытных станций, угодий), а также жаждущие реванша ученики и родственники лысенкоистов.

Вавилововедение в юбилейном 2017 году

Основные публикации юбилейного года отражают проблемное пространство современного вавилововедения и разнообразие подходов и жанров. Практически все авторы ушли от традиции изображать участников трагического противостояния в черно-белых красках и стремятся раскрыть социокультурный контекст зарождения и процветания лысенкоизма. Более того, усиливается тенденция рассматривать лысенкоизм, или лысенковщину, как глобальный феномен, охвативший многие страны и не потерявший актуальности.

Во втором, существенно переработанном и дополненном издании книги «Николай Иванович Вавилов» Гончаров дает детальный анализ разносторонней научной и административной деятельности Вавилова как агробиолога и организатора сельскохозяйственной науки⁴³. Он поднимает острые вопросы о методах изучения трагического противостояния в отечественной биологии и о достоверности его воспроизведения в современной историко-биологической литературе. Некоторые разделы книги написаны в резко полемической манере, что придает особое очарование тексту.

Во введении Гончаров дает краткую, но емкую характеристику всемирного значения трудов Вавилова как человека, поставившего и успешно решавшего сложную задачу планомерного вовлечения многообразия генетических ресурсов растений в селекцию⁴⁴. Главную заслугу Вавилова автор усматривает в том, что ему удалось создать богатейшую на то время коллекцию культурных растений и их диких сородичей, значение которой для выведения высокоурожайных сортов растений невозможно даже представить. В течение нескольких десятилетий коллекция оставалась самой представительной по биоразнообразию, и еще в начале перестройки эксперты Всемирного банка оценили ее в 8 трлн долла-

⁴² Голубовский М. Д. Призрак Лысенко и его современная инкарнация // Историко-биологические исследования (Studies in the History of Biology). 2015. Т. 7. № 2. С. 115–130; Инге-Вечтомов С. Г. Книга, после которой хочется вымыть руки // Историко-биологические исследования (Studies in the History of Biology). 2015. Т. 7. № 2. 109–112; Захаров-Гезехус И. А. В защиту генетики. М.: Ваш формат, 2016; Graham, L. Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016; Колчинский Э. И. «В бой идут одни старики», или О перспективах возрождения лысенкоизма в России // ВИЕТ. 2017. Т. 38. № 2. С. 365–384; Колчинский Э. И. Н. И. Вавилов и Т. Д. Лысенко в пространстве историко-научных дискуссий // Природа. 2018. № 1. С. 3–14.

⁴³ Гончаров. Николай Иванович Вавилов...

⁴⁴ Там же. С. 11–16.

ров. Сейчас она, к сожалению, опустилась на четвертое место в мире среди аналогичных генетических банков, что влечет за собой прямую угрозу продовольственной безопасности России. Такое введение сразу показывает масштаб сделанного Вавиловым, ставя крест на всяких прошлых и нынешних сомнениях в практической значимости его работ. Высказанная оценка несет и солидный заряд критики тех властных структур, которые столь незначительно распорядились вавиловским наследием и тем самым виновны в потере перспектив в подлинном обеспечении продовольственной безопасности страны.

Остро полемически написан следующий раздел книги Гончарова, играющий фактически роль методолого-историографического введения. Автор справедливо возражает против попыток использовать имя Вавилова в «конъюнктурных, идеологических целях» как некоего символического антипода Лысенко, представляемого, в свою очередь, лидером «пролетарской (сталинской) биологии», именуемой то «мичуринской биологией», то «советским творческим дарвинизмом»⁴⁵. Справедливо отметив отсутствие четких определений этих понятий, как и «мичуринской генетики» и «мичуринской агробиологии», Гончаров предпринимает интересную попытку выяснить соотношение между ними. По его мнению, институционализация мичуринской агробиологии шла во время максимальной поддержки Лысенко Сталиным, хотя связь самого термина с научной деятельностью Лысенко не очевидна. Автор призывает рассматривать развитие отечественных агробиологических наук без идеолого-политических клише, как это принято, по его мнению, в большинстве работ о Вавилове, но с позиций жесткой историко-научной методологии, отказавшись от всякого рода беллетризованных журналистских расследований «дела» Вавилова и реконструируя его научную и организационную деятельность на фоне когнитивной и социальной истории биологических и сельскохозяйственных наук в СССР.

Гончаров относит Вавилова к числу агробиологов, генетиков и путешественников, заслуги которых не только признаны во всем мире, но и стали символом достижений отечественной науки, подлинным ее брендом. При этом он протестует против практики написания биографий Вавилова как житий святых и зачисления в лысенкоисты любого, кто осмеливается так не делать⁴⁶. Историк науки действительно должен иметь мужество преодолеть литературно-киношный образ героя, созданный по законам героико-патриотического жанра со значительной степенью слухов, домыслов, легенд и мифов. И это вряд ли можно оспаривать.

В то же время трудно принять суждение Гончарова, что только в последнее десятилетие книги о Вавилове стали приобретать научный характер, избавляясь от нравственно-идеологической риторики 1960–1990-х гг. В истории науки, как и в другой отрасли знаний, истина не рождается в готовом виде, подобно Афине из головы Зевса. И строго научная биография Вавилова, которой Гончаров справедливо считает публикацию книги Есакова в 2008 г., стала возможна благодаря тому, что ей предшествовал самоотверженный труд нескольких поколе-

⁴⁵ Там же. С. 22.

⁴⁶ Там же. С. 27–28.

ний отечественных и зарубежных энтузиастов, которые в условиях фактического официального запрета на объективные исследования дела Вавилова – Лысенко и недоступности партийно-государственных архивов по крупицам собрали массу сведений из прессы и из воспоминаний. Часть из них не выдержала источниковедческой проверки. Но это обычная практика, связанная с критикой функционирующего знания и очищением его от мифов и артефактов в связи с открытием новых документов и выработки новых методологических концептов. И эта работа еще далека от своего завершения, а элементы гипотетичности сохраняются и в последних работах. Историкам-вавиловедам придется не раз возвращаться к, казалось бы, уже решенным вопросам, прежде всего в силу гипотетичности всякого знания, а в данном случае и учащающихся попыток перечеркнуть всю предшествующую работу и выдвинуть суждения и оценки, почерпнутые в газетных публикациях прошлого.

Поддерживая отстаиваемое Гончаровым положение о том, что в истории науки, как и в другой отрасли знаний, ни у какой группы ученых нет монополии на истину, хотелось бы заметить, что суждения, претендующие на новый взгляд, должны обосновываться в соответствии с принятыми процедурами доказательства, верификации и фальсификации, т. е. быть доступными проверке, а не представлять некую субъективную точку зрения. В этом отношении приводимые ссылки на книгу Л. А. Животовского «Неизвестный Лысенко» представляются неудачными⁴⁷. Как отмечалось в многочисленных рецензиях на нее, Животовского критиковали не за отказ от апологетики Вавилова и призывы к научной реабилитации Лысенко, а за голословность «трезвых» суждений, подкрепленных вырванными из контекста цитатами и неточными переводами.

В первом и втором разделах («Учителя» и «Преподавательская деятельность») Гончаров рассмотрел основные этапы становления Вавилова как ученого и выработанные им в молодости принципы – опираться в исследовательской работе только на достоверные и многократно проверяемые данные и на обширную литературу на разных языках и из разных отраслей знания. С огромным интересом читается раздел о многочисленных экспедициях Вавилова, во время которых шел сбор культурных растений и их диких сородичей, составивших основу знаменитой коллекции мировых генетических ресурсов растений. Текстологический анализ знаменитых «Пяти континентов» Вавилова показал, что они представляют собой результат довольно «вольной» подготовки анонимными авторами, включившими в рукописный текст ряд ранее опубликованных статей в сокращенном виде⁴⁸. В связи с этим актуально звучит призыв Гончарова осторожно использовать посмертные публикации, если они не прошли проверку на неприкосновенность произведений. В случае с Вавиловым это особенно важно, так как до сих пор не опубликованы полные его экспедиционные отчеты монографического характера, в которых он суммировал основные итоги своих экспедиций⁴⁹.

⁴⁷ Там же. С. 28.

⁴⁸ Там же. С. 60–61.

⁴⁹ Там же. С. 67.

Признавая огромную заслугу Вавилова в организации планомерных и рациональных исследований биоразнообразия культурных растений и интродукционной деятельности в России, Гончаров не забывает и его предшественников (С. М. Букасов, Д. Д. Букинич, А. К. Гольбек, П. М. Жуковский, В. В. Маркович, В. Е. Писарев, Е. Н. Синская, К. А. Фляксбергер, С. В. Юзепчук и др.), масштабы экспедиционной деятельности которых порой были не меньшими, чем у самого Вавилова. Это позволяет более выпукло отразить суть экспедиций Вавилова, стремящегося не к личной славе, а к коллективному решению глобальной проблемы преодоления голода. Будучи полевым исследователем, прошедшим некоторыми маршрутами Вавилова на Ближнем Востоке и Эфиопии, Гончаров смог дать яркий и исчерпывающий анализ научного подвига Вавилова как путешественника и полевика. В отличие от прежних и новоявленных критиков Вавилова, упрекавших его за то, что он, манкируя административными обязанностями, разъезжал по всему миру, когда мог послать научных сотрудников, полевой исследователь Гончаров понимает, как необходим личный экспедиционный опыт при изучении технологии возделывания культивируемого растения, выбранного для импорта и интродукции. Важной чертой всех экспедиций Вавилова и его сотрудников была их «целенаправленность» в сочетании с импровизацией по ходу дела. И здесь уже никакие инструкции бы не помогли.

Детально анализируя главные области исследований Вавилова, Гончаров справедливо отмечает, что не все выдвинутые им гипотезы являются общепринятыми в наши дни, но все они лежали в русле основных тенденций развития биологии XX века и продолжают стимулировать новые дискуссии и исследования. Особенно ярко это показано на примере закона гомологических рядов наследственной изменчивости и концепции центров происхождения культурных растений. Следует согласиться с автором и в том, что богатство идей Вавилова о политипических видах растений и путях их эволюции слабо освоено в систематике и эволюционной теории.

С огромным интересом читаются V–VIII разделы книги Гончарова, посвященные различным аспектам научно-организационной деятельности Вавилова в качестве основателя ВИРа, ВАСХНИЛ, Института генетики АН СССР и его участию в конференциях, совещаниях и конгрессах. Отмечена и громадная роль Вавилова в создании системы государственного сортоиспытания (Госсортсети) и селекционных станций. В книге показано, в сколь сложных социокультурных условиях шла титаническая работа ученого. На всех этапах его творческого пути непросто складывались отношения Вавилова и с властью (Н. П. Горбуновым), и со многими коллегами. Конфликт с Д. Д. Арцыбашевым, А. Г. Лорхом и А. К. Кодем в середине 1920-х гг. по стратегическим вопросам развития ВИРа воспроизводился впоследствии не раз с другими действующими лицами и нашел отзвук в конечном счете и в противостоянии с Лысенко. Анализ деятельности ученого на базе архивных материалов, в том числе и впервые вводимых Гончаровым в научный оборот, позволяет лучше понять динамику развития конфликта Вавилова с различными группами в самой науке и во властных структурах. Показано, что вся жизнь Вавилова как ученого и организатора науки – это борьба не только за идеи, но и за финансовые, материальные и кадро-

вые ресурсы, которая была особенно опасна в сталинской России, так как проигравшие часто обрекались на смерть. С конца 1920-х гг. Вавилову приходилось отстаивать не только право на свои исследования, но и право на жизнь. И только подлинно всемирная слава агробиолога-новатора позволила ему пройти сквозь репрессии Культурной революции и Большого террора, потерпев в конечном итоге поражение от Лысенко, назначенного Сталиным на роль корифея и творца советской биологии. По версии Гончарова, это была по меньшей мере третья волна критики научной политики Вавилова, приобретшей к тому времени окончательно политизированный и идеологизированный характер.

Вместе с тем трудно согласиться с Гончаровым в том, что научная обоснованность противостоящих взглядов к середине 1930-х гг. была очевидна, а исход в дискуссии на сессии ВАСХНИЛ в 1936 г. и на совещании в редакции журнала «Под знаменем марксизма» в 1939 г. определялся не столько поддержкой властью одной из сторон, сколько тем, что к тому времени «научное сообщество уже полностью “советизировалось” и утратило дореволюционные традиции научной дискуссии»⁵⁰. Конечно, советизация и диалектизация естествознания для биологов не прошли даром и воспитали поколение ученых, готовых по указанию властей критиковать любого, обвиняя критикуемых во всяких смертных грехах. Но никакого нейтралитета со стороны властей не было. Вся партийная пропаганда была брошена на прославление Лысенко как современного Дарвина⁵¹. Он получил публичную поддержку Сталина, его продвигал второй человек в партии Л. М. Каганович, его поддерживали наркомы земледелия Украины А. Г. Шлихтер и СССР Я. А. Яковлев и М. А. Чернов. Участники тех дискуссий знали, кто не угоден власти. Ведь со времен борьбы с «меньшевистствующим идеализмом» травле, а порой и арестам и ссылкам, подвергались прежде всего генетики (И. И. Агол, С. Г. Левит, В. Н. Слепков, С. С. Четвериков, В. П. Эфромимсон и др.). Агробиологи и философы, поддерживавшие Лысенко в этих дискуссиях, прекрасно понимали, кому симпатизировала власть, и вели себя соответствующим образом.

В то же время выступления Вавилова, А. Р. Жебрака, Н. К. Кольцова, П. Н. Константинова, П. И. Лисицына, Г. Г. Меллера, М. М. Завадовского, А. С. Серебровского, А. П. Шехурдина свидетельствовали о том, что научные традиции оставались живы. Далеко не все смиренно принимали огульные обвинения и спекуляции, парируя их фактами и цифрами. Например, Константинов, Д. Костов, Лисицын показали неудачу массового внедрения яровизации в сельское хозяйство. Очевиден был вред для семеноводства от отстаиваемого лысенкоистами «брака по любви», т. е. свободного скрещивания разных сортов. Архаично выглядели и развиваемые в мичуринской генетике представления о наследственности и изменчивости, которые не поддержал никто даже из крупных зарубежных (Г. Л. Пржибрам, Л. Плате, А. Львов, П. Грассе) и отечественных (П. А. Баранов, В. Л. Комаров, А. А. Любищев, Д. Н. Соболев, П. Г. Светлов)

⁵⁰ Там же. С. 205.

⁵¹ Колчинский Э. И. Юбилей Ч. Дарвина и лысенкоизм // Историко-биологические исследования (Studies in the History of Biology). 2015. Т. 7. № 2. С. 18–23.

сторонников наследования приобретенных признаков. Провал агрономических рекомендаций Лысенко, его невежество и архаичность отстаиваемых взглядов были очевидны лидерам академического сообщества, даже далеким от генетики, о чем не раз писал в своем дневнике один из авторитетнейших академиков того времени В. И. Вернадский⁵².

Отечественные и зарубежные историки евгеники (Л. Грэхем, Г. В. Шмуль, В. В. Бабков, М. Б. Конашев и др.) десятки раз указывали на бездоказательные попытки лысенкоистов использовать национализм-социализм в Германии для обвинения своих оппонентов в приверженности к евгенике и расовой гигиене. Поэтому странно читать, что исторический контекст появления советского творческого дарвинизма впервые проанализировал энтомолог А. И. Шаталкин⁵³. Шаталкин лишь повторил бездоказательные обвинения партийных идеологов в адрес Вавилова и других генетиков в 1930-х гг., да еще приплел сюда зачем-то американских империалистов.

В те годы никто еще не говорил о «советском творческом дарвинизме». Лысенко, Презент, С. С. Перов и их сторонники защищали мичуринскую агробиологию, соответствующую диалектическому материализму и основанную на яровизации как методе повышения урожайности, теории стадийного развития, свободном переопылении сортов, летних посадках картофеля, чеканке растений, принципе наследования приобретенных признаков и т. д. Ссылки на национал-социализм лишь доказывали шаткость аргументов лысенкоистов и их покровителей, заставлявших прибегать к надуманным политическим обвинениям в адрес того же Вавилова, никогда не занимавшегося евгеникой, а тем более расовой гигиеной. Да и сами обвинения в момент ареста Вавилова, казалось бы, говорили в его пользу, так как в то время Третий рейх с его расовыми законами и сильными традициями антидарвинизма был связан с СССР прочными экономическими и геополитическими интересами. И странным кажется замечание Гончарова: «Победи в СССР в 1930-е гг. “генетики” – мало никому бы не показалось»⁵⁴. Здесь явно довлеют политико-идеологические мифы из пропаганды 1930-х гг., созданные Презентом, подхваченные заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Я. А. Яковлевым и использованные ими для травли Кольцова и Вавилова⁵⁵. Сослагательное наклонение – прием политиков и пропагандистов, запугивающих толпу грядущими бедствиями, неуместный в историко-научном сочинении. Мы точно знаем, что генетики победили в Англии и США, бывших, кстати, нашими союзниками во Второй мировой войне, принеся этим странам процветание в сельском хозяйстве и медицине. Известен также колоссальный ущерб, нанесенный СССР и отечественному сельскому хозяйству в результате насильственного внедрения лысенковских рекомендаций в науку и практику. Можно достаточно точно

⁵² См.: *Вернадский В. И. Дневники 1935–1941*. М.: Наука, 2006. Кн. 2. С. 41, 47, 122, 123, 181, 182, 190 и др.

⁵³ *Гончаров. Николай Иванович Вавилов...* С. 206.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Яковлев Я. А. О дарвинизме и некоторых антидарвинистах // Правда. 12 апреля 1937 г. № 101 (7067). С. 2–3.*

оценить, что отечественная агробиология получила от победы лысенкоизма, а остальной мир – от победы генетики.

Немало оригинальных суждений высказал Гончаров в разделе, посвященном непростым отношением Вавилова с «передовой мичуринской биологией», основателями которой принято считать Мичурина и Лысенко⁵⁶. Имя замечательного российского плодОВОДА и селекционера в последнее время редко удостоивается внимания со стороны историков науки. Довольно незаметно прошло 150-летие со дня его рождения, в отличие от предшествующего 100-летнего юбилея, отмечавшегося как событие громадного государственного значения. Не любят к его творчеству обращаться и коллеги по цеху, памятуя о том, что именно мичуринской биологией называли свои представления Лысенко и Презент. Поэтому попытка автора проанализировать жизнь и деятельность Мичурина вне контекста приписываемых ему взглядов, представлений и симпатий и без крайностей пропагандистской литературы советского периода крайне продуктивна. Гончаров старается отделить работы самого Мичурина от их интерпретаций его учениками и последователями, нередко данных в соответствии с социальным заказом на создание мифа о великом преобразователе природы и предтече Лысенко.

Рассмотрение жизни и деятельности Мичурина в социокультурных контекстах дореволюционной и советской России во всей сложности и противоречивости эпохи позволяет охарактеризовать его как одного из членов сообщества российских садоводов-любителей того времени, с их типичными методами подбора исходного материала для гибридизации, селекции и т. д. Точно отображено отношение практика к теоретикам, ученого, привыкшего к свободе в исследованиях, к предложениям правительственных учреждений России и США и многих др. Увы, в Советском Союзе ему пришлось забыть о свободе поиска и называть выведенные им сорта фамилиями жен вождей революции в обмен на финансирование исследований и обещание пожизненного директорства. Во многих начинаниях Мичурина по расширению ассортимента культурных растений можно увидеть истоки ряда программ Вавилова. Гончаров справедливо подчеркивает, что ученого надо сравнивать с его современниками, а не с сегодняшними достижениями. И в этом отношении Мичурин был заметной, но не единственной фигурой среди российских садоводов первой трети XX в.

Если связь Вавилова с Мичуриным можно анализировать как взаимоотношения ученого с ученым, то при рассмотрении отношений Вавилова и Лысенко неизбежно всплывают проблемы взаимодействия науки и власти, ученого и государства, политики и экономики, теории и практики и т. д. Гончаров прекрасно осознает сложность воссоздания объективной картины прошлого противостояния, учитывая вовлеченность в его анализ как ныне живущих учеников и родственников участников тех событий, так и политико-идеологическую ангажированность многих авторов. Пытаясь преодолеть эту ситуацию, он, в отличие от большинства современных авторов, считает ранние работы Лысенко важным достижением отечественной науки и призывает восстановить в правах и «агро-

⁵⁶ Гончаров. Николай Иванович Вавилов... С. 332–384.

биологию», и «теорию стадийного развития с яровизацией»⁵⁷. Оценка подобного призыва находится вне компетенции историка науки, но этот призыв расходится с выводами тех биологов, кто уже в конце 1920-х гг. указывал на вторичность отстаиваемых Лысенко концептов, связанных с агрономическими приемами обработки семян холодом перед посевом (И. Г. Гасснер, Е. А. Грачев, В. В. Гарнер, Х. А. Аллард, Н. А. Максимов и др.). По мнению автора, Лысенко, реализуя программу Г. С. Зайцева и опираясь на советы Н. Ф. Деревницкого и И. Ю. Старосельского, впервые дал количественные характеристики и теоретическое объяснение феномену яровизации, которое, правда, не утвердилось в научном сообществе по каким-то вненаучным причинам⁵⁸. Для понимания заслуг Лысенко необходимо различать проблему яровизации озимых и агроприем под тем же названием, который в сочетании с элементарным отбором при дробной яровизации позволил создать сорта озимой пшеницы с нужной продолжительностью яровизации. Было бы желательно в дальнейшем подробнее развернуть это утверждение, как и тезис о закономерности смены парадигм в этосе отечественных селекционеров, перешедших от дарвинизма к ламаркизму в результате открытия Лысенко. До сих пор считалось, что массовое обращение отечественных агробиологов к ламаркизму в середине 1930-х гг. было следствием их конформизма и адаптации к сталинскому социуму, а не порождалось убедительностью работ Лысенко.

Трудно принять тезис о том, что вавилововедение находится на начальном этапе научного изучения взаимоотношений Вавилова и Лысенко, на котором следует воздержаться от рассуждений о тоталитарном режиме. С середины 1930-х гг. и до 1952 г. неоднократное вмешательство Сталина предопределяло ход дискуссии вокруг концептов Лысенко. Вне тоталитарного контекста сам конфликт и его исход остаются загадочными. Если же автор подразумевает необходимость проверить еще раз обоснованность обсуждаемых тогда концептов, то здесь — открытое поле для любого экспериментатора, а историкам науки там делать нечего, так как выяснять, кто ретроспективно был прав или неправ в том или ином научном споре, не входит в компетенцию истории науки.

Сторонники социального конструктивизма пытались игнорировать научную составляющую конфликта Вавилова и Лысенко, что мало помогло понять его природу и трагическую развязку. Вряд ли принесет пользу противоположная крайность. Сам Гончаров на протяжении всей книги демонстрирует эффективность как раз системного анализа когнитивных, социально-политических, историко-антропологических и институциональных факторов. Это удалось сделать без героизации Вавилова и без панегириков ему с глубоким пониманием сути обсуждаемых проблем и с изложением собственных взглядов на них с позиций современного знания. Все это делает книгу Гончарова уникальной в современном вавилововедении. Книга к тому же прекрасно иллюстрирована. Базируясь на огромном массиве архивных и литературных источников, насчитывающих более 1200 названий, автор реконструировал жизнь ученого вне традиционного

⁵⁷ Там же. С. 358.

⁵⁸ Там же. С. 372–374.

деления на московский, саратовский и ленинградский периоды, выделяя крупные блоки его научных интересов и организационной деятельности и давая собственные и оригинальные оценки каждому из них, постоянно выходя за пределы сложившихся схем.

По иному принципу построена книга старейшего вавилововеда Резника. В ней хронологический принцип изложения сочетается с многоплановостью изложения, а точность интерпретации документов – с художественной формой подачи⁵⁹. В отличие от монографии Гончарова, Резник писал не научное, а художественное произведение, где историческая антропология и психологические характеристики главного героя и его ближайших коллег и оппонентов находятся в центре авторских интересов. Повествуя о жизни героя на фоне противоречивой и турбулентной истории первой половины XX в., Резник дал панораму блестящих портретов отечественных и зарубежных коллег Вавилова, его друзей и недругов, единомышленников и противников, в том числе и в любимом им ВИРе, раскрыл механизмы взаимодействия с партийными и государственными деятелями того времени. Внимательный взгляд художника и вживание в дух эпохи позволяют порой понять происшедшее и мотивы действующих лиц, которые недоступны при строго научном анализе. Резник не злоупотребляет правом писателя на домысливание недостающих звеньев. Все повествование строго документировано. Более того, постоянно идет источниковедческая проверка используемых сведений, за которой порой следует опровержение многих мифов и легенд, живущих десятки лет. Вслед за автором предисловия Медведевым я должен сказать, что изучал историю генетики и творчество Вавилова почти 50 лет, но «открыл в этой книге огромный новый фактический документальный материал, ранее мне неизвестный»⁶⁰.

В их числе сведения в разделе «История с биографией» о подготовке и издании первой книги Резника о Вавиллове⁶¹. В нем показано, как сильны были позиции самого Лысенко и его сторонников во властных структурах даже после его официального осуждения в 1965 г. и освобождения от всех должностей и насколько эффективны были их закулисные действия с целью сокрытия правды о гибели Вавилова. Ради удаления полутора страниц текста с упоминаниями фамилии Лысенко два печатных листа из 90 тыс. экземпляров отпечатанного тиража прошли вновь полный издательский цикл, что обошлось издательству в 27 тыс. руб. при курсе около 60 коп. за доллар. Такова была цена за сокрытие даже не правды, а каких-то намеков на причастность Лысенко к гибели Вавилова. Но история весьма поучительна, она свидетельствует о тщетности попыток облагородить лик Лысенко даже в противостоянии с давно умершим оппонентом. Как и четверть века тому назад, на стороне автора были ученые разных специальностей, а противостояли им партийные чиновники.

Книга подводит итог многолетним исследованиям десятков отечественных биологов и историков науки жизни и научного наследия Вавилова. В работе над

⁵⁹ Резник. Эта короткая жизнь...

⁶⁰ Там же. С. 9.

⁶¹ Там же С. 13–42.

новой книгой Резнику помогало уже их новое поколение, для которого имя Вавилова по-прежнему действовало магически, и десятки энтузиастов (Т. Б. Авруцкая, В. Я. Бирштейн, С. А. Боринская, М. А. Вишнякова, М. Д. Голубовский, В. А. Драгавцев, В. Д. Есаков, И. А. Захаров-Гезехус, Е. С. Левина, А. П. Лисицын, О. В. Максимова, М. Е. Раменская, Я. Г. Рокитянский и многие др.) снабжали автора, живущего в Вашингтоне, новыми публикациями, архивными материалами и фотографиями, делились мыслями и соображениями. На этом этапе участвовали в основном уже ученики учеников и соратников Вавилова, считавших помощь в написании новой биографии священным долгом. К сожалению, не на все вопросы удалось ответить и сейчас. Из личного опыта знаю, что с многих документов, связанных с деятельностью Вавилова и его оппонентов даже в конце 1920-х гг., до сих пор не снят гриф секретности, а другие документы, включая его тюремное дело, как-то таинственно исчезли. По-прежнему могущественны в стране те силы, которые причастны к гибели Вавилова, а теперь пытаются скрыть правду по каким-то соображениям.

Резник разворачивает уникальную жизненную эпопею Вавилова в шести частях: «Развилка дорог», «Саратов», «Шагая по глобусу», «Годы великого перелома», «Вихри враждебные», «Кощеево царство», «Брат Сергей», каждая из которых разделена на 8–10 глав, состоящих из десятков параграфов. И хотя каждый параграф представляет собой законченный, тщательно выписанный эпизод или биографию, подробности изложения не чувствуется, так как книга рассказывает о человеке, с юных лет посвятившем себя науке во благо человечества. В книге показано, как под влиянием социума, чтения книг и учителей зрело в нем убеждение, что ликвидация голода возможна лишь благодаря расширению разнообразия культурных растений и повышения их урожайности. И достижению этой сверхзадачи он посвятил буквально каждый миг своей жизни. Ради нее он уделял столь много времени экспедициям для изучения биоразнообразия культурных растений и их диких сородичей.

Резник дает блестящие зарисовки десятков ученых, с которыми Вавилова сталкивала судьба. Уникальность Вавилова состояла и в том, что ему удалось увлечь своими идеями десятки зрелых, первоклассных ученых разных специальностей и убеждений (С. М. Букасов, Ф. Г. Добржанский, Г. С. Зайцев, С. И. Жегалов, П. М. Жуковский, Г. Д. Карпеченко, П. Н. Константинов, Г. А. Левитский, П. И. Лисицын, Г. К. Мейстер, Н. А. Максимов, В. В. Пашкевич, В. Е. Писарев, А. А. Сапегин, Е. Н. Синская, В. В. Таланов, Н. М. Тулайков, А. В. Чаянов, С. В. Юзепчук и др.), направляя их деятельность как «один мощный кулак»⁶². Известно, как трудно создать продуктивный ансамбль из нескольких талантливых ученых, всегда склонных к индивидуализму. Вавилов сумел объединить одной программой лидеров десятков научных направлений в биологии, селекции и семеноводстве. Например, в московский отдел Института прикладной ботаники вошла семеноводческая сеть (Госсемкультура) во главе с В. В. Талановым, что позволило на практике реализовать стандартизованную схему ступенчатого размножения селекционных сортов и введения их в практи-

⁶² Там же. С. 351.

ку. Не менее интересны очерки, посвященные ученым, с которыми у Вавилова по разным причинам не сложились отношения и в биографиях которых оставалось немало белых пятен. По мере сил и возможностей Резник заполняет пробелы в знаниях о Д. Д. Арцыбашеве, Д. Н. Бородине, Г. В. Григорьеве, А. К. Коле, И. Д. Шимановиче, Я. А. Яковлеве. В частности, он методично разбирает и отбрасывает многие мифы о последних годах Арцыбашева, бытовавших до недавнего времени в вавилововедении⁶³.

Рассказ ведется на фоне событий наиболее турбулентного периода в развитии России, пережившей за треть века три революции, мировую и гражданскую войны с красным и белым террором, военный коммунизм, НЭП, «Великий перелом», Культурную революцию, «Большой откат» и Большой террор. Все эти завихрения отечественной истории непосредственно затронули Вавилова, страстно увлеченного наукой с юных лет и видящего в ней верный путь служения народу, но ясно осознающего, что для реализации грандиозных проектов необходима государственная поддержка. Во многих из этих событий начиная с революции 1905 г. он активно участвовал, осознанно пошел на сотрудничество с большевиками, при которых сделал блестящую карьеру, надеясь с их помощью воплотить в жизнь грандиозные научные планы. Он стремился помочь власти преодолеть страшный голод 1921–1922, 1929 и 1932–1933 гг., дать крестьянству высокоурожайные сорта, расширить их ассортимент. Немалая его заслуга заключается в преодолении Советским Союзом международной изоляции через завоевание симпатий десятков выдающихся ученых разных стран (это Э. Баур, К. Бриджес, У. Бэтсон, Р. Гольдшмидт, Г. Г. Меллер, Т. Морган, С. Харланд). Дитя своего времени, он искренне считал возможным построить справедливое общество и делал все возможное, чтобы обеспечить процветание страны.

С конца 1920-х гг. Вавилов должен был работать в условиях смертельного хоровода, где в мгновение ока возникали и исчезали крупные администраторы, ответственные за сельское хозяйство, и сотни выдающихся отечественных ученых, связанных с ними. Резник убедительно показывает, что отсталое сельское хозяйство России, добитое коллективизацией, перманентно находилось в кризисе и не могло спасти миллионы жертв постоянных неурожаев. Скорбно повествуя об этих трагических событиях, Резник не обличает и не разоблачает в том числе и тех, кто благодаря Вавилову сделал прекрасную карьеру, а потом оговорил его на допросах или согласился стать осведомителем. Не раз в книге показано, что не только в годы Большого террора, но и уже в первых репрессиях, обрушившихся на науку в конце 1920-х гг., методы допросов были столь ужасны, что арестованные не выдерживали и становились на путь оговора коллег и сотрудничества с карательными органами.

В этих условиях Вавилов, которого карательные органы уже в начале 1930-х гг. назначили на роль лидера Трудовой крестьянской партии и выбивали соответствующие показания из его арестованных коллег, с риском для себя продолжал ходатайствовать о них, стараясь смягчить их участь, а порой и спасти жизнь. Только оказавшись в застенках, он узнал, что многие, включая самых близких

⁶³ Там же. С. 501–504.

ему людей (В. Е. Писарев, В. В. Таланов и др.), много лет назад дали показания о его «вредительской антисоветской деятельности». Трагически звучит: «Выстоять не удавалось никому – разница была в длительности сопротивления [...] Из тех, за кого просил Вавилов, гэнэушные костоломы в это время выдавливали показания против него»⁶⁴. О том, как были добыты эти показания, свидетельствуют протоколы дел, признанных сфальсифицированными даже в советское время. Образцов подобных признаний приводится в книге Резника немало. Изуверские методы заставляют признать «вину» и самого Вавилова. Но цену всем этим признаниям знали и сами мастера заплочных дел, и их главный вдохновитель. Резник убедительно показывает, что вздорные обвинения нужны были власти лишь для того, чтобы в нужный момент возложить на ученых ответственность за катастрофические провалы своей сельскохозяйственной политики.

Резник фактически опровергает утверждения о том, что начавшиеся у Вавилова в 1930-х гг. неприятности связаны с поражением в партийной борьбе правых, якобы бывших его покровителями. Никаких документальных подтверждений эта версия не имеет. В течение долгого времени Сталин лояльно относился к Вавилову. Об этом свидетельствует стенограмма совещания в кабинете у Сталина от 15 марта 1929 г., где главным докладчиком был Вавилов, и последовавшее вскоре его назначение президентом ВАСХНИЛ, сохранение его в составе ВЦИК до 1935 г. и т. д.⁶⁵ Без ведома Сталина эти назначения были бы невозможны. И в дальнейшем Вавилов всегда был лоялен к власти, не идентифицировал себя с какой-либо группой партийных и правительственных чиновников и стремился продуктивно работать на благо науки и страны.

В книге 1968 г. Резнику не дали рассмотреть вопрос о сложных отношениях между Вавиловым и Мичуриным, а также Вавиловым и Лысенко с Презентом, провозгласившими создание мичуринской биологии, построенной на принципах диалектического материализма, якобы соответствующей задачам социалистического преобразования сельского хозяйства и противостоящей реакционной западной науке. Сам Резник признает, что ни одна глава не давалась ему столь тяжело, как глава о Мичурине, несмотря на Монблан литературы о талантливом и трудолюбивом садоводе-любителе⁶⁶. Его теоретические воззрения были нечетки, реальные достижения с позиций сегодняшнего дня кажутся скромными, и лишь по воле властей он был провозглашен корифеем советской науки, а после смерти создателем некоей новой биологии. Это был очередной политический проект, призванный доказать превосходство отечественной науки над зарубежной, а практики над теорией. Мичурин охотно подыгрывал властям, обменивался со Сталиным приветственными телеграммами, славя советский строй. Как показал Резник, Мичурин никогда не претендовал на создание собственного учения. Мичуринское учение появилось после его смерти, к его создателям Лысенко и Презенту, провозгласившим себя «мичуринцами» № 1 и № 2, он также не имел никакого отношения. При этом Резник, опираясь на собственные

⁶⁴ Там же. С. 650.

⁶⁵ Там же. С. 515–517.

⁶⁶ Там же. С. 670.

исследования и на литературу последних лет, опровергает многие мифы, представлявшие в карикатурном виде главных оппонентов Вавилова.

Отказавшись от черно-белого изображения людей и событий, Резник не стал их обличать. Его социально-психологические характеристики Лысенко и Презента точны и предложенные трактовки мотивов поведения убедительны. Оба показаны как типичные представители сталинского времени, когда ценились умение вовремя уловить грядущие конъюнктурные изменения, идеологическая непримиримость, готовность выполнить любое распоряжение властей и обещать невыполнимые вещи. Здесь недостаточны были колебания вместе с линией партии, нужно было вовремя предусмотреть очередное колебание. Оба они, конечно, прямо причастны к гибели Вавилова, но главная вина лежит не на них. Они сумели максимально использовать обстоятельства 1930-х гг. для головокружительной карьеры. Но в целом и они, и противостоящий им Вавилов с генетиками были лишь актерами, сыгравшими роль в спектакле, поставленном революцией 1917 г.

Авторы многих биографий Вавилова рассказывали о его родных и близких. Но, пожалуй, Резник впервые показал в полной мере, какую важную роль семья играла в его становлении как личности, поддерживая его в дни испытаний и горестей, одобряя и вдохновляя на грандиозные проекты и свершения. Вавилов раскрывается не только как ученый и организатор науки, но и как преданный сын, заботливый брат, влюбленный мужчина и супруг, любящий отец двух сыновей. Становится ясно, что только в семье со столь прочными нравственными традициями, скрепленными искренней добротой и любовью, мог вырасти столь мужественный человек. Очерк о его брате, президенте АН СССР С. И. Вавилове ⁶⁷, достойно завершает книгу, в которой научная достоверность удачно сочетается с образностью изложения и максимальной объективностью.

В отличие от Гончарова Резник считает, что

ни одна область историко-биологических исследований не развивалась за последние 50–60 лет столь продуктивно, как *вавилотоведение*. В нем участвовали и продолжают участвовать сотни исследователей – биологов, географов, историков, писателей, краеведов, не только России, но и других стран ⁶⁸.

Такая оценка, на мой взгляд, адекватно отражает состояние данной области знания, которая развивается вопреки действию мощных сил, пытающихся по разным причинам скрыть причастность многих людей и ведомств к гибели Вавилова. Только в 1990-е гг. были открыты архивы, позволившие узнать, какие

⁶⁷ К сожалению, в первые годы после распада СССР был опубликован ряд необъективных работ об этом крупнейшем отечественном физике, столь много сделавшем для спасения отечественной науки в послевоенные годы. Об истинном мироощущении С. И. Вавилова на этом посту, о предпринимаемых им мерах во имя науки и о поведении академического сообщества красноречиво говорят опубликованные дневники С. И. Вавилова, подготовленные сотрудниками Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: Сергей Иванович Вавилов. Дневники. 1909–1951. В 2 кн. / Отв. ред. В. М. Орел, ред.-сост. Ю. И. Кривоносов. М.: Наука, 2012. Кн. 2. Эти дневники должен прочитать каждый, кто интересуется историей СССР.

⁶⁸ Резник. Эта короткая жизнь... С. 507.

властные структуры были включены в травлю ученого и кто персонально был ее инициатором и активным исполнителем зловещей воли Сталина. Увы, теперь архивы снова закрыты, как я полагаю, с единственной целью – скрыть виновников одного из величайших преступлений в истории науки. Читая книгу Резника, я постоянно вспоминал слова, которые впервые прозвучали публично в уже упоминавшемся выступлении Ю. И. Полянского в Доме литераторов в мае 1987 г. Со свойственной ему эмоциональностью Полянский произнес: «Никогда история не простит Сталину убийства Вавилова». Зал на минуту замер, ошеломленный смелостью услышанного, а затем раздался шквал аплодисментов.

Жанр новой книги В. И. Глазко «Николай Вавилов. Жизнь как служение Родине» определить нелегко. Как и его предыдущие книги «Н. И. Вавилов. Путь на Олимп» (2013) и «Н. И. Вавилов. Путь на Голгофу» (2014), вызвавшие прямо противоположные рецензии⁶⁹, его следует характеризовать как историко-научное и социально-политическое эссе видного современного генетика, пытающегося осмыслить причины трагической судьбы всей отечественной биологии, ставшей жертвой сталинского режима, построенного на идейном однообразии, жесткой иерархии, беспощадных репрессиях и уничтожении всего талантливого и уникального. Здесь нет собственных архивных изысканий. Продолжая хронологию предыдущих томов, прерванную на 1934 г., Глазко воссоздает историческую панораму 1935–1939 гг. как некий слоеный пирог, в котором каждая часть (хроника страны и хроника жизни самого Вавилова, его научные достижения, социально-политические события, прямо воздействующие на его судьбу, научные концепты его оппонентов и используемые ими методы борьбы, архивные документы, передающие дух эпохи, и др.) используется для реконструкции целостной картины прошлой «безумной эпохи», следствие которой, по мнению автора, ощущается в наши дни при обсуждении все тех же столетиями не решаемых проблем импортозамещения и продовольственной безопасности.

В книге нет классического единства сюжета, героев, времени и места действия, но многоаспектность и многоплановость повествования позволяет дать объемное изображение происходящего безумия, обозначив его основные временные и пространственные параметры. Постоянные морально-этические оценки автором главных действующих лиц – Вавилова и противостоящих ему Лысенко и Презента, пользовавшихся поддержкой партийно-государственного аппарата во главе со Сталиным, – создают ощущение былинного эпоса, битвы героя с силами зла. Книга отличается продуманной архитектурой, образным и метафорическим языком. Основному тексту предшествует обширное введение «Почему написана эта книга?» (97 с.), в которой дана краткая, но яркая характеристика значения научной деятельности Вавилова для всего человечества и для современной науки, хронология основных событий его жизни в период 1911–1934 гг., рассказывается о ранних годах карьеры Лысенко и общей атмосфере в

⁶⁹ См. рецензии В. А. Драгавцева и М. Б. Конашева на эти книги в журнале «Историко-биологические исследования (Studies in the History of Biology)» (2016. Т. 8. № 2. С. 121–128, 130–134).

стране после убийства С. М. Кирова и в преддверии Большого террора. К тому времени стало ясно, что власть стремится полностью подчинить науку и готова развернуть жестокие репрессии против любого осмелившегося возражать назначаемым ею корифеям в отдельных отраслях науки. Сталинское «Браво, товарищ, Лысенко, браво», произнесенное в 1935 г., показало всем, кто корифей в сельскохозяйственной науке. Давление на Вавилова резко возросло, что вызвало резкое сопротивление с его стороны торжествующей псевдонауке. Драматизм этого сопротивления хорошо отражен в названиях параграфов, звучащих порой как приговор: «Повседневная жизнь – процессы, продажи, чистка», «“Великий перелом” в ВАСХНИЛ», «Прессинг на Вавилова», «“Звонки” для Вавилова», «Завершение культурной революции и состав ЦК», «Новый метод науки – телеграмма в ЦК», «Гений фальсификации», «Наука по Лысенко», «Новый метод пролетарской науки по Лысенко. Анкетно-вопросный метод учета эффективности агроприемов», «Совещание передовиков урожайности», «Классовые позиции в науке», «Разгром Института общей генетики», «Доносчики в ВИРе», «Уничтожение Н. К. Кольцова», «Менделист – морганист – антимичуренец – антидарвинист – негосударственный человек», «Этапы подготовки к аресту Н. И. Вавилова». Уже по ним можно представить, в какой обстановке проходила деятельность Вавилова в те годы.

Глазко еще раз показывает, как важно исследовать когнитивные, социально-политические, институциональные и этико-психологические аспекты кризиса фундаментальной и прикладной науки в СССР. Он показывает, что изначально лысенкоизм представлял собой «часть большевистской утопии» и в институциональном плане⁷⁰. Именно в 1935 г., когда окончательно сформировался советский патриотизм и представление об «осажденной крепости», лагерная экономика и крепостная коллективизация, дуэт Лысенко и Презента оказался востребованным для сокрушения последних оплотов научного свободомыслия – Института экспериментальной биологии, ВИРа и «Биологического журнала». В редактируемом Лысенко журнале «Яровизация» был дан старт последней атаке на институты, возглавляемые Кольцовым и Вавиловым, подхваченной газетой «Правда» 11 января 1939 г. Эта атака завершилась избранием Лысенко в АН СССР, арестом Вавилова и скоропостижной смертью Кольцова. Их места заняли последователи Лысенко. Глазко убедительно доказывает тезис, что власть, поддерживая на протяжении десятилетий личностей со слабой профессиональной подготовкой, да к тому же отрицавших достижения мировой науки, несет полную ответственность за нынешнее тяжелое положение отечественной сельскохозяйственной науки.

Лысенко и его сторонники, подчинив себе преподавательскую и научную деятельность в сельскохозяйственных науках и в некоторых отраслях биологии, десятилетиями воспроизводили себе подобных, поощряя насыщение наук неспециалистами, которые не разбирались в соответствующих научных проблемах. И. И. Презент, А. С. Бондаренко, Г. Е. Ермаков, Г. Н. Шлыков, С. Н. Шунденко и другие приверженцы лысенкоизма представляли собой в основном толпу серых и

⁷⁰ Глазко. Николай Вавилов... С. 526–527.

посредственных субъектов, объединенных амбициозностью, моральной нечистоплотностью и готовностью любой ценой достигать корыстных целей, уничтожая любого, кто отказывался действовать в унисон с ними. Не выдерживая конкуренцию со старорежимными специалистами, новоиспеченная «красная профессура» нашла единственный выход – фабриковать клевету на своих коллег. Использование доносов как главного способа научной карьеры Глазко называет «научным киллерством», демонстрируя на многих примерах, как власть, опираясь на доносы и выбитые «показания», расчищала путь Лысенко, убирая последовательно всех тех, кто стоял на его пути, – А. А. Сапегина, А. И. Муралова, Г. К. Мейстера, Н. И. Вавилова. После их арестов он возглавлял Генетико-селекционный институт в Одессе, ВАСХНИЛ и Институт генетики АН СССР⁷¹.

Глазко не согласен с теми, кто усматривает какие-то достижения в трудах даже раннего Лысенко. Напротив, к 1935 г. стала очевидной неэффективность внедряемых в директивном порядке плохо проверенных методов обработки зерна перед посевом⁷². Но Лысенко постоянно инициировал новые прожекты, не сохранившиеся ни в науке, ни в агротехнике. Глазко не видит ничего рационального и в предложенных Лысенко теориях «стадийного развития», «сверхскоростного выведения сортов», «внутрисортowego перекрестного скрещивания самоопылителей», «летних посадок картофеля», «использования кур для склеивания долгоносиков» и т. д. Чтобы скрыть провалы своих начинаний, в середине 1930-х гг. Лысенко, возглавивший к тому времени Институт генетики и селекции в Одессе, выступил против мировой науки как чуждой задачам социалистической деревни. Философско-политическое сопровождение этих атак против современной биологии обеспечивал Презент.

Вместо представления коллегам научных доказательств в пользу своих теорий в научных журналах они апеллировали к ЦК ВКП(б), газетной шумихой и публикацией фальсифицированных данных в партийной прессе прикрывая бесплодность собственных рекомендаций. Заручившись поддержкой Сталина, Лысенко в его присутствии не раз обвинял Вавилова и других генетиков и селекционеров во вредительстве. В 1935 г. Вавилова освободили от должности президента ВАСХНИЛ, в течение нескольких лет шла его непрерывная травля, а в 1938 г. Лысенко был назначен президентом ВАСХНИЛ и после ареста Вавилова возглавил основанный тем Институт генетики АН СССР. Противодействие мичуринской агробиологии стало главным пунктом обвинения и доказательством «вредительской деятельности» Вавилова. Именно эти показания выбивали следователи НКВД из арестованных Р. Э. Давида, Г. К. Мейстера, Н. М. Тулайкова, М. А. Чернова, Я. А. Яковлева, и др.⁷³ А сам Лысенко «предпринимал видимые всем усилия в другом направлении – порочил Вавилова на верхах» и, как президент ВАСХНИЛ, старался всеми способами парализовать работу ВИРа⁷⁴.

⁷¹ Там же. С. 111–112.

⁷² Там же. С. 119, 137–140, 163–178, 602–603 и др.

⁷³ Там же. С. 512.

⁷⁴ Там же. С. 513, 519, 530–531, 535.

В центре повествования Глазко находятся и труды Вавилова. В отличие от других вавилововедов, он детально анализирует его представления о полиморфной структуре биологических видов, феноменологии реализации генов, геногеографии и их значение для синтетической теории эволюции. Эти вопросы не получили должного освещения в литературе в значительной степени из-за того, что никто из вавилововедов не мог профессионально оценить его труды в столь разных отраслях естествознания. По Вавилову, селекция как наука, в применении, в частности, к растениям, складывается из разделов, изучающих исходный сортовой, видовой и родовой потенциал, генетическую и фенотипическую изменчивость, роль среды в выявлении сортовых признаков, гибридизацию и отбор и др. По мнению Глазко, вся современная молекулярная генетика и геномика сельскохозяйственных видов выросла из перечисленных разделов. До Вавилова конструирование генотипов с желательным фенотипическим проявлением хозяйственно ценных признаков шло на основании интуиции, путем проб и ошибок. Благодаря ему стали искать научно обоснованные пути решения традиционных задач селекции. Развитие молекулярной генетики и геномики позволило перейти при создании новых генотипов от контроля менделирующих признаков к генетике сложных регуляторных систем и к прямому вмешательству в структуру генома и его архитектуру, вплоть до геномного и геномного редактирования. По словам Глазко, разработка «шаблона» селекционной работы по получению новых генотипов, включая геномное редактирование путем встройки участков промотора, была начата Вавиловым. Что касается Лысенко, то от него ничего не осталось в науке. По мнению Глазко, он – продукт времени, когда в стране

естественный ход общественного развития нарушен, на первый план выступает политика, пропаганда, возникает повышенный спрос на чудотворца и мифотворца типа Лысенко ⁷⁵.

В отличие от предыдущих трех книг, двухтомник «Лысенкоистская контроверсия как глобальный феномен. Генетика и сельское хозяйство в Советском Союзе и за рубежом», вышедший в США, – коллективная монография, работа над которой фактически шла почти десять лет под руководством В. дейонг-Ламберта и Н. Л. Кременцова и которая достаточно полно отражает разнообразие оценок лысенкоизма в мировом историко-научном сообществе. Фамилия Вавилова в первом томе встречается чуть ли не чаще, чем имя его главного оппонента, которому посвящена книга ⁷⁶.

Первый том посвящен событиям в СССР, связанным с судьбой предшественников Лысенко, его стремительной карьере, научному и культурному влиянию. Во вводной главе редакторы дают краткий очерк его жизненного пути и основные направления историографических исследований лысенкоизма, который, по их мнению, остается малоизученным, хотя посвященная ему библиография насчитывает более 1000 названий, а основные этапы жизненного пути хорошо документированы. Причину этого они усматривают в том, что до сих пор лысен-

⁷⁵ Там же. С. 557.

⁷⁶ The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon... Vol. 1. P. 184–185, 190.

коизм рассматривался как исключительно советский феномен, представлявший не столько совокупность биологических взглядов агронома, сколько образец псевдонауки, подавления властью академической свободы и разрушительного влияния идеологии на науку⁷⁷. Такой подход был свойствен той историографической традиции, которая считала лысенкоизм порождением тоталитарного режима, а многообразие взаимодействий между наукой и обществом сводила к репрессиям и к сопротивлению, при этом их описание нагружалось моральными сентенциями.

В рамках социокультурной истории науки было предложено более тщательное исследование многообразных способов взаимодействия ученых с советской властью и обществом. Отказываясь от упрощенной дихотомии «палачей и жертв», «побед и поражений», «героев и негодяев», сторонники новой историографической традиции старались не говорить о репрессиях властей и ученых, пытавшихся спасти себя, свою науку, своих коллег. Взаимоотношения власти и ученых представлялись как некий диалог равных, как поиск компромиссов, взаимных уступок и коадаптаций и даже как сотрудничество, кооперация и симбиоз. В качестве доказательств приводились факты выработки общего языка, сходных ритуалов поведения. Столкновения ученых, ориентированных на мировые стандарты науки, и сторонников некоей советской науки были названы дисциплинарной и институциональной конкуренцией, а принуждения ученых следовать указаниям идеологов и партийных чиновников – отношениями патрона и клиента. Вавилов и Лысенко оказались в фокусе подобного анализа. Считалось, что в их конфликте отражались особенности симбиоза между партийно-государственным аппаратом и научным сообществом, при котором конкурировавшие стороны старались использовать властные структуры для достижения групповых целей. Таким образом, ход борьбы между ними объяснялся не изменениями в содержании научных программ, а исключительно сменой приоритетов в партийно-государственном аппарате, в том числе и в связи с внешней политикой. В 1930-х гг. это была необходимость противостоять национал-социалистической Германии, а после 1945 г. – начало холодной войны. Под ее влиянием лысенкоизм на короткое время стал международным феноменом и получил широкую поддержку не только в странах, входящих в советский блок (Венгрия, Китай, Польша, Румыния, Чехословакия), но и во Франции, Италии, Японии и даже Британии. В связи с этим неизбежно встает вопрос о том, что такое псевдонаука и какие ее отличительные свойства.

Оставаясь в рамках социальной истории науки, большинство авторов монографии (О. Ю. Елина, Л. Йоос, М. Таугер, М. Мюллер, Ф. Кассата и др.), видимо, знают эти отличия и рассматривают случаи лысенкоизма в разных странах как аномалии, обусловленные идеолого-политическими и культурно-социальными факторами.

В статье российского историка науки О. Ю. Елиной «Предшественники Лысенко: Демчинские и новая технология выращивания зерновых» рассказано, как инженер путей сообщения, климатолог, фотомеханик Н. А. Демчинский и его

⁷⁷ Ibid. Vol. 1. P. 2.

сын, журналист и литератор-фантаст Б. Н. Демчинский на протяжении десятков лет пропагандировали грядковую культуру хлебов для повышения их урожайности, чья оценка в плане ее эффективности в преодолении хронического дефицита зерна была схожа с оценкой яровизации⁷⁸. Автор пытается объяснить, почему пропаганда Демчинскими своего метода оказалась безуспешной, канув в неизвестность как раз тогда, когда лысенковская яровизация была признана панацеей от вымерзания озимых и ей была оказана всесторонняя поддержка и пропагандистское обеспечение. Описывая хронологию событий, Елина раскрывает механизм принятия или отрицания различных чудо-методов, в котором решающее значение отводит позиции научного сообщества и его экспертов, неизбежно испытывавших давление со стороны властных структур, которые, в свою очередь, в продвижении чудо-методов порой заинтересованы больше, чем в реальном прогрессе сельскохозяйственного производства.

О том, как это происходило на самом начальном этапе карьеры Лысенко, рассказал молодой историк науки Лукас Йоос⁷⁹. Он, проанализировав день за днем партийную печать за осень 1929 г., пришел к выводу, что не партийные директивы из центра, а вера наркома земледелия УССР Шлихтера в Лысенко стала главной движущей силой пропагандистской кампании в партийной печати в пользу яровизации как чудодейственного агроприема, оказавшегося в дальнейшем бесполезным. По его мнению, причиной необоснованной похвалы наркома и некритического одобрения им яровизации была, скорее, научная некомпетентность Шлихтера, чем его попытка избежать наказания от партийного руководства за гибель озимых и низкий урожай.

Американский историк М. Таугер в новом свете представляет отношение известного советского селекционера П. П. Лукьяненко с Вавиловым и Лысенко⁸⁰. Выведенный им сорт пшеницы Безостая-1, обладавший коротким стеблем, устойчивостью к ржавчине и высокой урожайностью, стал одним из главных достижений Зеленой революции, когда селекционеры нескольких стран, прежде всего Н. Барлоуг, использовали сложные схемы скрещивания сортов, чтобы повысить урожай зерна после серии неурожаев. Пик деятельности Лукьяненко пришелся на время доминирования Лысенко в советской сельскохозяйственной науке, что дало основание говорить об эффективности его рекомендаций. Таугер опровергает этот миф и показывает, что на самом деле Лукьяненко базировался на научном наследии Вавилова, который, создавая мировую коллекцию и исследуя механизмы иммунитета растений, заложил основы Зеленой революции. Работы Лукьяненко по ржавчине у зерновых, ставшей одной из главных причин голода в 1932–1933 гг., лежали в рамках программы Вавилова, и селекционер-практик фактически оставался «формальным генетиком» в селекции. Неурожай и голод 1932–1933 гг. на Кубани побудили его начать обширные скрещивания на базе сортов из

⁷⁸ *Elina, O.* Lysenko's Predecessors: The Demchinskys and the Bed Cultivation of Cereal Crops // *Ibid.* Vol. 1. P. 37–66.

⁷⁹ *Joos, L.* State Officials and Would-Be Scientists: How the Ukrainian Ministry of Agriculture Discovered for Lysenko that He Had Made a Scientific Discovery // *Ibid.* Vol. 1. P. 67–96.

⁸⁰ *Tauger, M. B.* Pavel Pantelimonovich Luk'ianenko and the Origins of the Soviet Green Revolution // *Ibid.* Vol. 1. P. 97–127.

коллекции Вавилова с последующей жесткой селекцией гибридов. Лукьяненко, работая вдалеке от Ленинграда и Москвы, не был вовлечен в конфликт генетиков и лысенкоистов и продолжил реализацию своей селекционной программы несмотря на смену руководства. Он никогда не выступал с критикой Лысенко. Случай Лукьяненко свидетельствует, что власть Лысенко не была абсолютной, и многие крупные советские селекционеры продолжали разрабатывать научное наследие Вавилова, мимикрируя порой под лысенкоизм.

Августовская сессия ВАСХНИЛ превратила лысенкоизм в подлинно международный феномен. Его культурное и научное влияние сказалось на многих странах в зависимости от их позиции в холодной войне, внутривластной ситуации, влияния левых сил, научных традиций. СССР тогда был лидером восточного блока, и входящие в него страны старались в первые послевоенные годы следовать политике Москвы во всех вопросах, включая стратегию развития науки. Однако там достаточно быстро вызрело сопротивление лысенкоизму, и уже к середине 1950-х гг. произошло освобождение от его влияния.

Как происходило восприятие мичуринской биологии в Венгрии, рассказали венгерский историк науки Г. Палло и американский протозоолог М. Мюллер, эмигрировавший в США в 1956 г.⁸¹ Они показали, что мичуринская биология изначально встретила неоднозначную оценку в Венгрии и была навязана ей после начала холодной войны. В 1953 г. в стране начались критика лысенкоизма и изживание его последствий. Причем фантастические спекуляции Лысенко о виде и видообразовании и его поведение ускорили отторжение. Иначе протекало восприятие мичуринской биологии в Румынии, где ученые всегда были тесно связаны с Францией, в которой доминировал в те годы неоламаркизм⁸². В результате мичуринская биология продержалась в Румынии дольше, чем в других странах социалистического лагеря, которые к середине 1950-х гг. избавились от нее.

По-разному шло восприятие мичуринской биологии в капиталистических странах. Многие биологи, придерживавшиеся левых взглядов, после 1948 г. должны были выбирать между наукой и политическими симпатиями. Классическим примером здесь стал Дж. Б. С. Холдейн, который вначале воздержался от оценки августовской сессии ВАСХНИЛ, но вскоре в знак протеста против подавления биологии в СССР вышел из состава Коммунистической партии Великобритании, членом политбюро которой он стал после Второй мировой войны. Коммунистические убеждения удерживали Холдейна от резких заявлений в адрес Лысенко перед войной, в то время как другой левый генетик и евгеник Г. Г. Мёллер был его непримиримым оппонентом уже с середины 1930-х гг. и до смерти⁸³.

Историк генетики Ф. Кассата (Генуя) показал, что итальянские генетики использовали 9-й Международный генетический конгресс в Белладжии (август 1953 г.) для укрепления дисциплинарной автономии, размежевания со сторон-

⁸¹ *Palló, G. P., Müller M.* Opportunism and Enforcement: Hungarian Reception of Michurinist Biology in the Cold War Period // *Ibid.* Vol. 2. P. 3–36.

⁸² *Oghina-Pavie, C.* The National Pattern of Lysenkoism in Romania // *Ibid.* Vol. 2. P. 73–102.

⁸³ *deJong-Lambert, W., de. H. J. Muller and J. B. S. Haldane:* Eugenics and Lysenkoism // *Ibid.* Vol. 2. P. 103–136.

никами Лысенко и прекращения с ними научных дискуссий⁸⁴. В национальном масштабе были очерчены интеллектуальные, институциональные и политические границы генетики, за пределами которых их конкуренты (евгеники, медицинские генетики, селекционеры) превращались в маргиналов. ИмPLICITно или явно используя Лысенко для стигматизации своих соперников, итальянские академические генетики тем самым маркировали границы своей области в борьбе за дисциплинарный контроль.

Своеобразно шло изживание мичуринской биологии в Японии, что объяснялось как доминированием в ней после войны антиамериканских настроений, так и отсутствием развитой генетики. Книга Лысенко о наследственности и изменчивости, изданная в США, не содержала никакой критики представленных в ней взглядов. В результате японские генетики проявили интерес к теориям Лысенко. Японский историк биологии Хирофуми Сайто попытался ответить на вопрос, почему идеи Лысенко были удостоены серьезного обсуждения в японской специальной литературе по крайней мере в течение десятилетия. Помимо уникальных условий послевоенного периода причины популярности мичуринской биологии в Японии Сайто усматривает в интересе японских генетиков к фенотипической изменчивости, особенно к физиологическим процессам, которые более подвержены влиянию среды⁸⁵.

В целом рассмотрение лысенкоизма в странах, входящих в разные военно-политические блоки во время холодной войны, показало, что везде главные причины его распространения лежали в социокультурных и политико-идеологических сферах. Научные традиции и объекты исследования могли лишь временно способствовать привлечению внимания к нему ученых, не знакомых с данными генетики. По мере повышения генетической грамотности каждому исследователю становилась очевидной научная несостоятельность лысенкоизма и его идеолого-политическая ангажированность. В современных дискуссиях нередко утверждается, что та или иная теория становится маргинальной не из научных соображений, а из-за групповых интересов, лоббируемых во властных структурах. Науку нельзя отделить от социокультурного контекста, прежде всего от идеологии, политики и экономики. Бывает, что некоторые гипотезы преждевременно элиминируются как ошибочные. В последнее время в качестве таковой часто называют идею наследования приобретенных признаков, которая якобы была дискредитирована из-за связи с лысенкоизмом.

Однако главный урок лысенкоизма заключается в том, что хотя наука не может быть свободной от идеологии, политики и экономики, попытки утвердить ту или иную точку зрения в научном сообществе с помощью властных структур или апелляции к обществу служат показателями аномального поведения. В связи с этим нет оснований представлять дискуссии в генетике как конкуренцию разных научных школ. Изначально это было противостояние науки и псевдо-

⁸⁴ *Cassata, F.* Lysenko in Bellagio: The Lysenko Controversy and the Struggle for Authority Over Italian Genetics (1948–1956) // *Ibid.* Vol. 2. P. 37–72.

⁸⁵ *Saito, H.* Why Did Japanese Geneticists Take a Scientific Interest in Lysenko's Theories? // *Ibid.* Vol. 2. P. 137–157.

науки. Это показало и дальнейшее развитие конфликта. И публикации юбилейного года, несмотря на различие высказанных точек зрения, еще раз показали, что нет оснований для научной реабилитации ни лысенкоизма как совокупности взглядов «выдающегося», как утверждают его апологеты, отечественного агробиолога, ни связанной с ним лысенковщины как выбранного ими способа утверждения их в науке. При разнообразии мнений и подходов все рецензируемые книги продемонстрировали это еще раз.

Авторы антивавилонских и пролысенковских «трудов» руководствуются разными мотивами, но все их утверждения построены на сознательной фальсификации и дискуссия с ними не имеет смысла. Вавилововедение требует профессиональной подготовки и использования всего комплекса архивных и литературных материалов с обязательной источниковедческой критикой и с библиографическими обзорами. Стремление же возобновить дискуссию, подменяя аргументы пропагандистскими клише, бесперспективно и вызывает отповедь и со стороны биологов, и со стороны историков науки.